

госсосостоянія и не допускаете; а между тѣмъ, добиваясь матеріальнаго благосостоянія для другихъ, вы отказываетесь отъ собственного, готовы пожертвовать ради этого даже жизнью. Ну, а если и для тѣхъ, кому вы хотите доставить матеріальное благосостояніе, оно такъ же не важно, какъ и для васъ?!.. Къ чему же всё ваши хлопоты?!..“ Продолжая нашу бесѣду, я въ этотъ же вечеръ услышалъ отъ Н-я Ѳ-ча, что такъ называемые великіе принципы великой французской революціи—*„свобода, равенство и братство“* есть продуктъ крайняго легкомыслія, или недомыслія, такъ какъ *изъ свободы исполнять свои прихоти и изъ завистливаго равенства не можетъ произойти братства*; только братство приведетъ къ свободѣ, ибо любящіе другъ друга братья не могутъ поработать одинъ другого; любящіе другъ друга братья и завидовать не будутъ брату, поднявшемуся надъ другими, не будутъ стараться и принизить его до себя; поднявшійся же надъ другими братъ постарается и всѣхъ братьевъ поднять до себя. По этому и надо прежде всего искать братства, а не ставить его въ хвостъ, послѣ свободы и равенства, какъ это сдѣлали провозгласившіе свободу, равенство и братство,—надо искать братства, остальное же все приложится.*) Но братство не можетъ быть безъ отечества,—только по отцамъ мы братья, а потому во главу должна быть поставлена любовь сыновняя и отеческая, а отсюда уже вытекаетъ и любовь братская. Такъ бесѣдуя, Н-й Ѳ-чъ развилъ постепенно цѣлое міросозерцаніе, совершенно для меня новое, по которому требуется объединеніе всѣхъ людей въ трудѣ всеобщаго воскрешенія, и я былъ сразу же покоренъ и уже навсегда, Н-лай Ѳ-чъ не долго пробылъ при мнѣ въ Богородскѣ, всего мѣсяца три; но эти три мѣсяца обогатили меня больше, чѣмъ вся предшествовавшая жизнь и дали мнѣ прочную основу для всей послѣдующей жизни. Эти три мѣсяца совмѣстной жизни съ Н-емъ Ѳ-чемъ сдѣлали то, что я не терялъ уже съ нимъ связи никогда, вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, я не только писалъ ему, но и бывалъ у него, и онъ прїѣзжалъ ко мнѣ, и мы почти ежегодно, почти до его смерти проводили вмѣстѣ наше вакаціонное время; когда были вмѣстѣ, то не бесѣдовали только, но и писали, т. е. я писалъ подъ диктовку Н-лая Ѳ-ча. Мнѣ хотѣлось сдѣлать извѣстнымъ покорившее меня ученіе Н-лая Ѳ-ча, я думалъ напечатать изложеніе этого ученія, но Н-й Ѳ-чъ всегда противился этому, находя это несвоевременнымъ и самое ученіе недостаточно развитымъ, неполнымъ и ясно выраженнымъ. Тѣмъ не менѣе, не говоря Н-лаю Ѳ-чу, такъ какъ онъ никогда на это не согласился-бы, я вкратцѣ изложилъ его ученіе и послалъ это изложеніе Ѳ. М. Достоевскому, отъ котораго въ отвѣтъ получилъ письмо отъ 23 марта 1878 года, впервые непечатанное (не вполне) въ № 80-мъ газеты Донъ за 1897 годъ, издающейся въ Воронежѣ, и затѣмъ въ № 3-мъ Русскаго Архива за 1904 годъ, послѣ смерти

) Недомысліемъ объяснялъ Н-лай Ѳ-чъ и извѣстное выраженіе Руссо (котораго очень почиталъ Левъ Н-чъ),—„человѣкъ рождается свободнымъ“*. Свободнымъ на что?—спрашивалъ Н-лай Ѳ-чъ. На то, чтобы умереть?!.. Такъ какъ всякій родившійся непременно-бы умеръ, если-бы о немъ не позаботились, не позаботились-бы о сохраненіи его жизни. А всякая забота дѣлаетъ несвободнымъ, налагаетъ обязанности. Стремящійся къ свободѣ не хотятъ-ли освободиться отъ обязанностей, налагаемыхъ любовью?